

**РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА
КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ
НАД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ**

Р.Л. Никулин

Кафедра «История и философия», ТГТУ

*Представлена профессором А.А. Слезиным и
членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым*

Ключевые слова и фразы: классовая борьба; комсомол; политический контроль; регулирование социального состава; середняк.

Аннотация: Вскрывается сущность такой специфической формы политического контроля над молодежью как регулирование социального состава комсомольских организаций, анализируются ее идеологические и политические факторы, прослеживаются механизмы реализации.

Вовлеченность комсомола в систему тотального политического контроля над обществом и личностью, осуществляемого властью, стала очевидной уже в первое десятилетие его существования. Особенно зримо расширение масштабов политического контроля в среде коммунистической молодежи проявилось в конце 1920-х годов, в период острейших внутривнутрипартийных дискуссий о путях и методах социалистической реконструкции, осуществления массовой коллективизации и раскулачивания.

Одной из специфических его форм, непосредственно не связанной с методами, характерными для полицейского надзора, и не носившей ярко выраженной репрессивной направленности, являлась политика регулирования социального состава комсомольских организаций. Ее концепция была выработана VIII съездом ВЛКСМ. Суть таковой должна была сводиться к проведению комплекса мероприятий, ориентированных на максимальное вовлечение в комсомол рабочей и батрацко-бедняцкой сельской молодежи при одновременном ограничении приема молодых крестьян-середняков и представителей иных социальных групп, не относящихся к категории пролетариев. По существу политика регулирования социального состава комсомола была направлена против «окрестьянивания» ВЛКСМ, а если быть более точным – его «осереднячивания».

Фактически антисередняцкая в аграрных регионах страны, каким являлось и Черноземье, направленность концепции роста рядов ВЛКСМ, наиболее рельефно проявившая себя в событиях так называемого «великого перелома», проистекала из симбиоза ряда идеологических постулатов большевизма и политического расчета сталинской партийкой элиты.

Власть ни на минуту не забывала о социально-экономических характеристиках крестьянства как класса, его положении в системе общественного производства и отношении к средствам такового. В этом контексте в большевистском социологическом анализе акцентировалась двойственная природа самостоятельно ведущих хозяйство земледельцев, их принадлежность к мелкобуржуазным слоям

общества. Отнюдь не исключалось, что облик собственника может при определенных обстоятельствах возобладать в крестьянине-единоличнике над обликом труженика [1, с. 42].

Объективные трудности и противоречия процесса модернизации аграрного общества, резко обострившиеся в период нэпа, породили явное разочарование партийной элиты в его перспективах, а затем и убежденность в необходимости ревизии экономического либерализма. «Усталость» «верхов» от нэпа усилила настороженно-враждебное отношение к станному хребту последнего – индивидуальному крестьянству. Идеологическая риторика в духе сталинских тезисов о мелкотоварном секторе в сельском хозяйстве как о фундаменте буржуазной стихии, потенциальном источнике воспроизводства капиталистических элементов, бешено сопротивляющихся неуклонному строительству основ социализма в стране, стала доктринальным обоснованием курса на ликвидацию нэпа в деревню и перехода к форсированной коллективизации. Экономически самостоятельное крестьянство явно не вписывалось в начертанную Сталиным схему социалистической реконструкции общества. И если на заре «великого перелома» Сталин еще старался уверить всех, что истинная цель большевиков не подавление мелкого собственника, а уничтожение классов [1, с. 42], то в период развертывания массовой коллективизации всякая маскировка была отброшена. В комсомольской публицистике, тонко улавливавшей настроения партийного руководства, утверждалось: «Если хозяйство бедноты и середняков не будет переведено на коллективные начала, т.е. если они не будут организованы в колхозы и базой развития сельского хозяйства останется все-таки мелкое единоличное крестьянство, то завтра-послезавтра из вчерашних зажиточных середняков вырастут неизбежно новые кулаки, новая деревенская буржуазия» [3, с.10].

Включение крестьянства в структуру социалистического общества возможно было таким образом через отчуждение привычного хозяйственного, духовного уклада жизни. Преодоление мелкобуржуазной природы значительной части жителей села по сути означало «раскрестьянивание». Данная парадигма отвечала как постулатам марксистско-ленинской мысли, так и потребностям переходящего к радикальному варианту модернизации социума.

Именно в контексте «раскрестьянивания» следует, по нашему убеждению, интерпретировать ограничения на прием крестьян-середняков в ряды комсомола. Представители этой наиболее многочисленной прослойки крестьянства привносили в массовое сознание коммунистической молодежи черты традиционной психологии жителей села, как-то: общинный коллективизм в противовес классовой морали, здоровый хозяйственный прагматизм, коренившийся в индивидуальном характере землепользования их семей. Учитывая место комсомола в политической системе советского общества, значимость его роли как института социализации молодежи, «школы коммунизма» для нее, а также наметившуюся в годы нэпа тенденцию к росту удельного веса молодых середняков в составе союзных организаций [2, с. 53], становятся понятными опасения руководства ВЛКСМ на предмет потенциальной возможности мелкобуржуазного перерождения комсомола. В крайне идеологизированном сознании многих союзных и партийных функционеров таким образом расценивались перспективы воспроизводства крестьянской ментальности в пластах духовной культуры молодежи, политических установках ее представителей.

Надо заметить, что в силу указанных обстоятельств настороженность к присутствию середняка в рядах ВЛКСМ присутствовала и в разгар нэпа [2, с. 53]. Однако в период обострения внутривнутрипартийных дискуссий о стратегии строительства социализма, сопровождавших постепенное его свертывание, она как раз-таки выкристаллизовалась в законченную, логически стройную концепцию регулирования социального состава организации, краеугольным камнем которой стало целенаправленное ограничение приема молодых крестьян-середняков, связанных с инди-

видуальным хозяйством. В соответствии со сталинскими построениями о неизбежности масштабной классовой борьбы как единственно верного пути создания социалистического общества, необходимости жесткого подавления всех чужеродных элементов в народно-хозяйственном организме, обеспечившими идеологическую легитимацию организационного разгрома сторонников продолжения нэпа, наличие огромного количества выходцев из середнячества создавало благоприятную среду для циркулирования в комсомоле «правоуклонистских» настроений. Суть последних сводилась к непониманию, забвению классовой борьбы.

Вне идеологического контекста это означало, что сопричастность большого количества комсомольцев экономическому, духовному пространству жизни российского крестьянина серьезно ставила под сомнение способность союзных организаций к бескомпромиссной борьбе с теми социально-политическими силами, которых власть позиционировала как классовых врагов, фактически всех противящихся «чрезвычайным» хлебозаготовкам и насильственной коллективизации. К тому же, несмотря на огромную политическую безграмотность, закрытый характер партийных дискуссий, эта масса могла бы стать опорой и для политических оппонентов сталинского курса в верхах ВКП(б) – так называемых «правых уклонистов», вздумай они напрямую апеллировать к низам партии и комсомола. А если учесть намерение сталинского руководства использовать союз как наиболее многочисленную коммунистическую организацию в селе в качестве инструмента, проводника государственного давления на крестьянство принимая во внимания откровенно патерналистский характер политики власти по отношению к сельской бедноте, становится понятным, что последовательная селекция коммунистической молодежи по признакам социального происхождения и экономического положения основывалась не только на слепой вере в догматы большевизма, но и на вполне прагматическом по духу расчете противопоставить комсомольцев старшему поколению деревни. Это могло стать возможным не в последнюю очередь благодаря численному преобладанию в сельском комсомоле молодежи, вообще в силу возраста склонной к совершению поступков, продиктованных скорее эмоциями, чем разумом, тем более принадлежащей к социальным слоям, наиболее восприимчивым к радикальной демагогии власти.

Внимательный анализ документов Тамбовского и Козловского окружных комитетов ВЛКСМ, ВКП(б) периода проведения сплошной коллективизации привел автора к выводу, что в условиях усиления, согласно официальным идеологемам, классовой борьбы по мере углубления социалистических преобразований, когда от каждого комсомольца требовалась прежде всего классовая стойкость и идеологическая выдержанность, утеря «классового чутья» и проявление тем самым «правого уклона» на практике воспринималась партийными и комсомольскими функционерами непосредственно как результат увеличения удельного веса середняка в отдельных ячейках. «Засоренность» чуждым элементом и «осереднячивание» считались явлениями, судя по документам, почти равнозначными. [5, Д.351. Л32]. Исключительной «привилегией» комсомольцев-середняков становилось «притупление классового чутья», «утрата классовой боеспособности», «примиренчество к чужакам» и т.д. [5, Д.351. Л33].

Главная опасность заключалась не в абсолютном росте середняцкой молодежи в союзной массе, а именно в преобладании ее в отдельных сельских ячейках и районах. Отказ некоторых из них от участия в проведении хлебозаготовок, насильственной коллективизации и раскулачивании производил чрезвычайно болезненное впечатление на комсомольское руководство. На общем фоне «успехов» социалистического строительства в деревне такие провалы относились зачастую на счет влияния середняка. Так, бригада Тамбовского окружка ВКП(б), проводившая обследование Кирсановской районной организации в январе 1930 года, особо обращала внимание на подобные факты «осереднячивания» комсомольских

ячеек: Серповская ячейка – 100 % середняцкой молодежи, Красно-Поселковская – 90 %, Тихвинская – 60 %, Бибивская – 60 % и т.д. [5, Д.351. Л32].

Так формировался постулат о том, что преобладание середняцкого ядра в составе комсомольских организаций есть само по себе проявление «правого уклона» [4, Д.144. Л.21].

Какие же механизмы позволяли ограничивать рост союза за счет непролетарской части деревни? Линия союза по регулированию классового состава понималась достаточно просто – не принимать в комсомол. В отчетном докладе перед чисткой секретарь ячейки ВЛКСМ при 9-летней школе Данковского района прямо заявлял: «Многим отказываем в приеме в комсомол по классовому составу. Из желающих вступить – отказано 5 человекам». Для того, чтобы «сохранить авторитетность ячейки» на собрании приходилось принимать, но затем сам секретарь уже в райкоме ставил вопрос о неприеме [4, Д.158. Л.46]. При обследовании Суренской районной организации весной 1929 года бригадой окружного комитета ВЛКСМ был зафиксирован факт отказа райкомом в приеме в ряды комсомола 5 молодым середнякам. Березовская организация в это же время отказала в приеме 12 середнякам [4, Д.103. Л.27,30]. Подобное механическое сдерживание вступления крестьян-середняков в комсомол регистрировалось и в других организациях округа [4, Д.103. Л.131].

Сурово осуждался и так называемый «огульный» прием середняков в ряды организации, то есть как таковых, по факту подачи заявления, без учета социального происхождения и положения, а также отношения к колхозному строительству. Анализ документов первичных организаций позволяет утверждать, что наиболее допустимые условия приема середняка в комсомол содержались в формулировках следующего содержания: «принять как колхозника, выявленного на работе», «принять как колхозника и активного работника в проведении кампании» [6, Д.103. Л.4], – что соответствовало жестким требованиям партийных органов о допущении в ряды ВЛКСМ исключительно той части середнячества, которая вступает в колхозы.

Категорически запрещалось создание ячеек в населенных пунктах, где несмотря на достаточное количество комсомольцев, среди таковых в численном отношении преобладали середняки. В этом случае они по-прежнему должны были относиться к одной из соседних ячеек. Противная ситуация расценивалась опять же как проявление «правого уклона» [4, Д.68. Л.26].

Весьма распространен был двойной стандарт при исключении по идеологическим причинам из рядов союза. При чистках нередко за идеологическую невыдержанность комсомолец-середняк мог быть «вычищен» из организации, в то время как по этой же причине комсомолец-бедняк отделяется выговором [4, Д.158. Л.52]. «Вычищение» сельского пролетариата, в том числе и за хулиганские поступки, также считалось проявлением своего рода уклоном от линии партии. К примеру, руководству Алгасовского райкома ВЛКСМ было поставлено на вид проведение «головотяпской» чистки Нижне-Гомниковской ячейки, когда административным порядком «выгонялись бедняцкие кадры из организации» [6, Д.93. Л.9].

В комсомоле соглашались терпеть отныне даже хулиганов, но с «нужным» социальным происхождением, чем середняцкую молодежь, в лояльности которой, в силу идеологических установок, принято было сомневаться.

Список литературы

1. Сталин И.В. Сочинения / И.В. Сталин. – М., 1952. – Т. 12.
2. Слезин А.А. В борьбе за нового человека / А.А. Слезин. – Тамбов, 1998.

3. Коптев Н. Комсомольцам о ликвидации кулачества как класса / Н. Коптев. – М. – Л., 1930.
 4. Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 379 Оп.1.
 5. ЦДНИТО. Ф. 855 Оп.1
 6. ЦДНИТО. Ф. 1214.
-

Regulation of Social Staff of Komsomol Organizations as the Form of Political Control over Communist Youth

R.L. Nikulin

Department "History and Philosophy", TSTU

Key words and phrases: class fight; Komsomol; political control; regulation of social staff; serednyak.

Abstract: The essence of such specific form of political control over the youth as regulation of social staff of Komsomol organizations is revealed; its ideological and political factors are analyzed; mechanism of implementation are considered.

Regelung des Sozialbestandes der Komsomolorganisationen als Form der politischen Kontrolle über die kommunistischen Jugend

Zusammenfassung: Es wird das Wesen solcher spezifischer Form der politischen Kontrolle über die Jugend wie die Regelung des Sozialbestandes der Komsomolorganisationen angezeigt. Es werden seine ideologischen und politischen Faktoren analysiert und die Verwirklichungsmechanismen verfolgt.

Réglage de la composition social des organisations du komsomol comme forme du contrôle politique de la jeunesse communiste

Résumé: Est montrée l'essence d'une telle forme spécifique du contrôle politique de la jeunesse comme réglage de la composition social des organisations du komsomol, sont analysés ses facteurs idéologiques et politiques, les mécanismes de son réalisation.
